
Там, где Начинается Дом
Эмили Джеймс

Эмили Джеймс

Там, где начинается дом

«Автор»
2026

Джеймс Э.

Там, где начинается дом / Э. Джеймс — «Автор», 2026

Эми приехала в университетский городок с ясным планом: закончить магистратуру, накопить на собственную художественную студию за границей и не позволить новым знакомствам сбить её с пути. Но планы начинают меняться. Питер — обаятельный музыкант, привыкший легко завоёвывать внимание, — неожиданно встречает в Эми девушку, которую не может разгадать. А строгий мистер Никс становится не только её научным руководителем, но и человеком, рядом с которым хочется задержаться подольше.Работая над проектом о доме и памяти, Эми учится доверять другим — и не терять себя в близости. Ей предстоит решить, что важнее: уехать вслед за давней мечтой или остаться там, где появились люди и место, которые уже стали частью её жизни.

© Джеймс Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дом с синей дверью 5
Глава 2. Дерево и наушники 11
Глава 3. Чужие шутки 16
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Эмили Джеймс
Там, где начинается дом

Глава 1. Дом с синей дверью

Первое, что я узнала о своём новом доме: его синюю дверь нужно было не открывать, а уговаривать.

Я вставила ключ, повернула его до щелчка и толкнула дверь плечом. Она не сдвинулась. Я попробовала ещё раз, сильнее. Чемодан за моей спиной завалился набок и стукнул меня по ноге.

— Отличное начало знакомства, — пробормотала я, поднимая его.

На связке висела бумажная бирка с номером дома и надписью, сделанной аккуратным почерком сотрудницы жилищного отдела: «Дверь иногда заедает. Потяните на себя, затем толкните».

Я перечитала инструкцию, потянула дверь и почувствовала, как замок нехотя поддаётся.

— Пожалуйста, — сказала я ей. — У меня тяжёлый чемодан и ограниченный запас терпения.

Дверь уступила. Чемодан въехал следом и застрял в прихожей, словно тоже решил подумать, нужна ли нам магистратура.

Внутри пахло свежей краской и чем-то едва уловимым, домашним. Возможно, деревом. Или моим воображением, которое уже пыталось превратить небольшое университетское жильё в иллюстрацию для журнала.

Дом стоял на краю кампуса, в ряду таких же кирпичных домиков с маленькими палисадниками. Я видела их фотографии на сайте университета, но в жизни он оказался меньше, чем на снимках. Не настолько, чтобы мне было тесно, — скорее настолько, чтобы я могла дотянуться до кухонного шкафа, не выпуская из рук чайник.

Я сняла кроссовки и прошла в гостиную. Потёртый диван, круглый стол, книжные полки и окно с видом на узкую улицу. На стене висела картина с горами, написанными настолько уверенными мазками, что у меня сразу возникло желание поправить небо.

— Извини, — сказала я картине. — Мы ещё даже не познакомились.

Наверху находилась спальня со скошенным потолком. Под окном стоял стол — именно он убедил меня выбрать этот дом, когда я получила предложение от университета. Я могла представить, как буду работать здесь по вечерам: планшет слева, карандаши справа, чашка с чаем где-нибудь на безопасном расстоянии от бумаги.

На практике чай, конечно, окажется слишком близко. Но приятно хотя бы начать с хороших намерений.

Я распахнула окно. По улице проходили студенты с сумками и чемоданами; из соседнего дома кто-то вынес коробку с лампой, а на крыльце через дорогу девушка пыталась объяснить по телефону, что нашла все документы, кроме самых нужных.

Над крышами виднелась башня главного университетского корпуса. Каменный, с высокими окнами и внутренними дворами, он выглядел так, будто веками воспитывал людей, которые умеют одновременно цитировать философов и опаздывать на завтрак.

Город почти целиком жил университетом. Пока такси везло меня от станции, водитель успел показать библиотеку, лучший, по его мнению, книжный магазин и кафе, где студенты в сезон экзаменов проводили больше времени, чем дома.

— Через месяц узнаете, — сказал он, когда я заметила, что не пью столько кофе.

Я достала из сумки блокнот, положила его на подоконник и открыла страницу с планом.

Магистратура. Портфолио. Деньги на переезд. Студия в другой стране.

Четыре строчки. Если смотреть только на них, моя жизнь казалась удивительно простой.

Телефон завибрировал. На экране появилось сообщение от мамы:

«Доехала? Дверь открылась? Ты не забыла поесть?»

Я сфотографировала комнату и отправила ей снимок.

«Доехала. Дверь сопротивлялась, но мы договорились. Еду пока не нашла».

Ответ пришёл почти сразу:

«В сумке есть контейнер. Я положила утром».

Я посмотрела на чемодан, потом на спортивную сумку, потом снова на сообщение.

«Тот, который я просила не класть?»

«Именно он».

Через минуту я уже сидела на полу и доставала из сумки контейнер. Мама, как обычно, оказалась права, но я собиралась признать это только письменно. Устные признания могли создать опасный прецедент.

* * *

Разбирать вещи я начала с коробки, на которой написала: «ОСТОРОЖНО, БУДУЩЕЕ».

Внутри лежали краски, кисти, пачка плотной бумаги и старая фотография мастерской у моря. Я вырезала её из журнала несколько лет назад и с тех пор перевозила из квартиры в квартиру, хотя уголки уже потрепались.

На снимке люди что-то обсуждали вокруг большого холста. Один мужчина держал чашку, женщина рядом смеялась, запрокинув голову, а за окнами виднелась полоска воды. Под фотографией в статье рассказывалось о художниках, которые вместе работали, проводили занятия и помогали молодым авторам выставлять свои первые работы.

Я прикрепила снимок к стене над столом. В нём не было ничего похожего на деловой план, но он до сих пор напоминал, зачем я собираю деньги и почему решила продолжить учёбу.

Не только ради диплома. Я хотела понять, как сделать свою работу устойчивой: находить людей, сотрудничать, не прятать рисунки в папку с надписью «когда-нибудь». А потом открыть собственную студию — место, где можно будет и работать, и приглашать других.

Телефон снова завибрировал. На этот раз написала заказчица: попросила сделать лису в иллюстрации для детской книги немного смелее и добавить звёзд на небо.

Я поставила ноутбук на кухонный стол и открыла файл.

Лиса смотрела на меня с экрана настороженно, прижав уши. Я изменила положение головы, добавила ей чуть более уверенный изгиб бровей и убрала ветку, за которой она пряталась.

— Вот так, — сказала я. — Ты теперь взрослая самостоятельная лиса. Добро пожаловать в клуб.

Я отправила предварительный вариант заказчице, пообещала закончить небо завтра и проверила баланс счёта. Деньги от этой работы должны были отправиться в копилку с надписью «студия». До настоящей студии копилке пока было примерно как мне до роли профессионального сантехника, но начало имелось.

Вечером я распаковала одежду. Свободные джинсы, несколько ярких футболок, майки, клетчатые рубашки, которые можно было накинуть сверху, если в мастерской станет прохладно. Отдельно повесила тёмное платье — на случай, если университет однажды решит устроить мероприятие, для которого джинсы будут недостаточно торжественны.

На дне чемодана обнаружилась фотография, которую я не помнила, чтобы брала с собой. Я стояла рядом с бывшим парнем на какой-то летней выставке. Мы оба улыбались; моя рука лежала у него на плече.

Я села на край кровати.

Мы расстались год назад. Без измен, разбитых тарелок и сообщений посреди ночи. Просто в какой-то момент стало ясно, что под словами «наше будущее» мы представляем разные вещи.

Он хотел остаться в городе, где вырос. Я давно говорила о переезде. Сначала это казалось чем-то отдалённым и почти теоретическим, а потом я подала документы в магистратуру, начала откладывать деньги и перестала говорить «когда-нибудь».

— Ты всё равно передумаешь, — сказал он тогда, не со злостью, а с уверенностью человека, который много раз видел, как я уступаю.

Именно это меня и испугало.

Я положила фотографию обратно в конверт и убрала в ящик стола. Не из обиды. Просто она принадлежала времени, которое закончилось.

В этот раз я собиралась не передумывать.

* * *

На следующий день я проснулась раньше будильника. Несколько секунд смотрела на незнакомый потолок, пытаясь вспомнить, почему окно находится слева от кровати, а не справа. Потом за стеной хлопнула дверь, на улице кто-то окликнул друга, и я вспомнила.

Магистратура. Новый город. Дом, который нужно уговаривать впустить меня внутрь.

Я собрала волосы в полупучок, надела свободные джинсы, светлую майку и клетчатую рубашку. Перед зеркалом ненадолго задержалась, глядя на себя сонную и немного взволнованную.

— Ты поступила сюда не случайно, — сказала я отражению.

Отражение выглядело так, будто предпочло бы сначала выпить чай. Я сочла это разумным.

Общее собрание магистрантов и преподавателей проходило в большом зале главного корпуса. Я пришла на десять минут раньше, но почти все места у прохода уже были заняты.

— Здесь свободно? — спросила я у девушки с короткими тёмными волосами.

— Если ты не собираешься забирать мой кофе, то да.

— Ничего не обещаю. Я ещё не пробовала местный.

Она подвинула сумку, освобождая стул.

— Я Лили. История искусства.

— Эми. С одной «м». Художественное направление.

— Очень приятно, Эми с одной «м». А почему ты сразу уточняешь?

— Потому что потом кто-нибудь подписывает мои работы с двумя, и мне приходится объяснять, что я не таинственная художница Эмми.

Лили улыбнулась и протянула мне программу собрания. Я успела отметить время семинаров, прежде чем на сцену поднялась женщина с папкой.

Нам рассказали о расписании, мастерских, библиотеке, выставках и музыкальных вечерах. По четвергам в университете проводились общие встречи студентов и преподавателей: объявляли планы, обсуждали мероприятия и решали вопросы кампуса.

— Присутствие не всегда обязательно, — шепнула Лили, заглядывая в программу. — Интересно, это означает «можно не приходить» или «потом все узнают, что ты не пришла»?

— Думаю, второе. Особенно если не принесёшь записку от родителей.

Она тихо рассмеялась.

Во втором ряду мужчина в тёмном свитере так старательно кивал выступающей, что не сразу стало понятно: он заснул. Я нарисовала его на полях программы — с закрытыми глазами и решительным выражением лица. Когда показала набросок Лили, она прижала ладонь ко рту, чтобы не рассмеяться слишком громко.

— Ты быстро работаешь.

— Это мой способ слушать длинные речи.

— А если речь короткая?

— Тогда придётся действительно слушать.

После собрания мы разошлись к разным аудиториям, договорившись как-нибудь встретиться за кофе. Я сверилась с расписанием и направилась на вводный семинар по современным визуальным практикам.

Коридоры главного корпуса оказались похожи на задачу, которую кто-то придумал для проверки терпения новых студентов. Лестница, поворот, ещё одна лестница, дверь с табличкой, за ней — совершенно не та аудитория. Я уже собиралась спросить дорогу, когда заметила указатель, наполовину прикрытый афишей предстоящего концерта.

Под ним стояли несколько человек. Среди них — высокий парень в спортивной куртке. Его о чём-то спрашивали сразу две девушки, а он, похоже, пытался ответить обеим, не разлив кофе.

— Так ты придёшь? — спросила одна.

— На концерт — обязательно, я там играю, — сказал он.

— Я не про концерт.

— Тогда мне придётся узнать подробности, прежде чем обещать.

Он улыбнулся, и девушка закатила глаза, хотя тоже улыбалась. Я прошла мимо, наконец найдя нужный номер аудитории.

* * *

Семинар вёл мистер Никс.

Он вошёл без папки под мышкой и стопки книг, которую я почему-то ожидала увидеть у профессора. В руках у него были только тонкий блокнот и ручка. Тёмный пиджак сидел безупречно, светлая рубашка была застёгнута на все пуговицы, кроме верхней.

Он оказался молодым — старше меня, но не настолько, чтобы я сразу догадалась, что именно он ведёт занятие. Кто-то из студентов тоже ошибся: сидевшая впереди девушка убрала сумку с соседнего стула, предлагая ему место.

— Спасибо, — сказал он. — Но, пожалуй, сегодня я постою у доски.

В аудитории засмеялись. Девушка смутилась, а он, кажется, сделал вид, что ничего особенного не произошло.

— Доброе утро. Я Дин Никс. В этом семестре мы будем говорить о том, как визуальная работа создаёт смысл и почему недостаточно объяснить её словами: «Мне так показалось красивее».

Он сделал паузу и посмотрел на нас.

— Хотя иногда это вполне честный ответ. Просто мне захочется узнать, почему красивее показалось именно вам.

Голос у него был спокойный, негромкий. Слушать приходилось внимательно, и, кажется, он прекрасно это понимал.

Он раздал карточки и попросил каждого написать одну тему, с которой хотелось бы работать, и один вопрос, на который пока нет ответа. Я повертела ручку в пальцах.

Тема: дом и переезд.

С вопросом вышло сложнее. Их было слишком много. В конце концов я написала:

Можно ли почувствовать себя дома в месте, где ещё никого не знаешь?

— Идея не обязана быть удобной, — сказал Никс, проходя между столами. — Но вы должны уметь объяснить, почему выбрали именно её.

После этого он попросил нас представиться. Кто-то говорил о фотографии, кто-то — о городском пространстве и семейных архивах. Одна студентка хотела работать с иллюстрациями старых ботанических книг и так увлечённо описала засушенный лист, что я впервые в жизни задумалась, не слишком ли мало внимания уделяю растениям.

Когда очередь дошла до меня, я поднялась.

— Эми. С одной «м». Я рисую иллюстрации и комиксы, а здесь хочу разобраться, как визуальные истории помогают людям почувствовать себя дома в незнакомом месте.

— Это уже интереснее, чем «я люблю рисовать», — заметил мистер Никс.

— Я люблю рисовать тоже. Но решила приберечь это для особо сложных вопросов.

Несколько человек засмеялись. Уголок его рта едва заметно поднялся.

— Тогда сложные вопросы оставим на потом, Эми с одной «м».

Я села и сделала вид, что проверяю запись в блокноте. Не потому, что растерялась. Просто иногда полезно посмотреть на собственный почерк, когда преподаватель без подготовки отвечает на твою шутку.

Следующий час прошёл быстрее, чем я ожидала. Никс показывал работы бывших студентов и спрашивал, что мы видим, прежде чем сообщить название проекта. Он не спешил поправлять тех, кто ошибался, но просил объяснить, откуда взялась та или иная мысль.

Когда один из студентов сказал, что картинка «просто мрачная», Никс попросил его назвать три детали, создающие это ощущение. После небольшой паузы студент назвал четыре.

Я записала себе на полях: «Не прятаться за общими словами».

Внизу, чуть мельче, добавила: «И купить чай».

* * *

После семинара я вышла во двор и остановилась у расписания на телефоне. До следующей встречи оставалось достаточно времени, чтобы найти столовую, но не настолько много, чтобы заблудиться дважды.

— Ты тоже пытаешься понять, где находишься? — спросила девушка рядом.

Она держала стопку листов, прижатую к груди локтем, и с подозрением смотрела на указатель.

— Уже поняла. Осталось понять, как отсюда уйти.

Мы вместе нашли столовую. По дороге она представилась, рассказала, что приехала из другого города и пока путает корпуса. Я ответила тем же и снова уточнила, как пишется моё имя.

В столовой было шумно. Мы взяли чай и сели за крайний столик. Неподалёку я заметила парня, которого видела у указателя: теперь он сидел с компанией возле окна. Кто-то показывал ему что-то на телефоне, а он, наклонившись, слушал с таким сосредоточенным видом, словно на экране решалась судьба университета.

— Это Питер с музыкального, — сказала моя новая знакомая, проследив за моим взглядом. — Кажется, его тут все знают.

— Он настолько хорошо играет?

— Говорят, да. И он здесь уже учился, до магистратуры.

Питер поднял голову, рассмеялся и отодвинул от себя телефон. Я вернулась к чаю.

Пусть его знают все. У меня пока была более насущная проблема: выяснить, как в столовой получить ложку, не проходя повторно через очередь.

* * *

Дом встретил меня тишиной. На этот раз дверь открылась с первого раза, и я похвалила её за старание.

Я разложила на кухонном столе программу собрания, записи с семинара и набросок спящего мужчины. Рядом поставила чашку, потом передвинула её подальше от бумаги — мои утренние намерения всё-таки пригодились.

На чистой странице я написала:

Что делает место домом?

Подумав, добавила:

И обязательно ли для этого кого-то к нему привязывать?

Вопрос выглядел слишком серьёзным для первого дня. Я нарисовала рядом синюю дверь и маленькую фигурку с чемоданом. У фигурки было такое выражение лица, будто она одновременно собирается начать новую жизнь и выяснить, где здесь ближайший магазин.

Потом телефон показал время, и я вспомнила про лису для детской книги.

Новая жизнь могла подождать ещё сорок минут. Лисе требовались звёзды.

* * *

Глава 2. Дерево и наушники

На второе утро в университете я обнаружила, что чай закончился.

Это было странно, поскольку накануне я его купила. Я точно помнила магазин, полку, пакет с продуктами и собственную предусмотрительность. Но теперь на кухне стояли две коробки хлопьев, пачка риса, банка томатов и ни одной упаковки чая.

Телефон подсказал ответ: пакет с чаем я оставила на кассе.

«Мы отложили его для вас», — написала сотрудница магазина после того, как я объяснила ситуацию в сообщении. Рядом она поставила улыбающийся смайлик. Подозреваю, что у чая уже имелось собственное место за стойкой и история о рассеянной покупательнице, которую рассказывают новым сотрудникам.

Я выпила воды, съела тост и отправилась на семинар раньше, чем успела обнаружить пропажу чего-нибудь ещё.

В аудитории уже сидели несколько человек. Девушка с короткими тёмными волосами помахала мне от окна.

— Эми с одной «м»! Я заняла место и ничего у тебя не забрала.

— Даже чай?

— Особенно чай. У меня свой.

Лили поставила на стол большую термокружку. На её крышке красовалась наклейка с нарисованной рыбой, а из открытой сумки выглядывали книги. Похоже, она принесла с собой половину библиотеки и сочла, что этого достаточно для первого занятия.

— Сегодня у вас тоже Никс? — спросила я.

— Только общая часть. Потом нас разделят. Он вчера попросил принести что-то личное, связанное с темой работы. Я принесла фотографию галереи, где впервые поняла, что картины могут быть интереснее экскурсовода.

— Сильное заявление. Надеюсь, экскурсовод не пострадал.

— Только морально. Я задала ему много вопросов.

Я достала блокнот и старую фотографию мастерской у моря. Вчера вечером сняла её со стены, боясь забыть утром, а потом положила рядом с чайником — очевидно, подсознательно решив, что чай мне больше не понадобится.

Мистер Никс вошёл, когда мы обсуждали, сколько книг можно носить в сумке до того, как та потребует отдельное место на семинаре. Сегодня на нём был тёмный свитер поверх рубашки. Пиджака не было; от этого он выглядел чуть менее официально, хотя порядок в аудитории наступил так же быстро.

— Доброе утро. Надеюсь, вы принесли предметы, о которых сможете рассказать соседу. Если нет — придётся импровизировать.

Он написал на доске два вопроса: «Что вы показываете?» и «Что остаётся за пределами изображения?»

— На прошлом занятии мы говорили о том, как зритель ищет смысл, — продолжил он. — Сегодня попробуем понять, что именно вы ему предлагаете. И почему.

Лили повернула ко мне свою фотографию. На ней был небольшой зал с тремя картинами и пустой скамьёй посередине.

— Меня привела туда тётя, — сказала она. — Я тогда не особенно хотела идти. Но перед одной картиной мы просидели почти час. Я впервые заметила, что человек рядом может смотреть на то же самое и видеть совсем другое.

— А на фотографии нет той картины.

— Да. Я не хочу пока говорить, какая именно это была. Меня больше интересует место, где это случилось.

Я рассказала ей о мастерской у моря. О том, как увидела статью в журнале и впервые представила не только работу художника за столом, но и людей, которые приходят посмотреть на эту работу, учиться, спорить, приносить свои идеи.

— Ты уже была там? — спросила Лили.

— Нет. Но несколько лет слежу за их проектами. Там проводят программу для молодых художников, и я хочу когда-нибудь подать заявку.

— Звучит не как «когда-нибудь», а как конкретный план.

— Он у меня в блокноте. Значит, официально существует.

Лили посмотрела на фотографию ещё раз.

— Ты всё время говоришь о людях внутри мастерской. А на твоём рисунке из программы вчера была только девушка с чемоданом.

— Это было начало истории. Она ещё никого не знает.

— Или не хочет никого знать?

Я собиралась сразу ответить, что хочет. Потом вспомнила собственный список на подоконнике: учёба, портфолио, деньги, переезд. Ни одного человека.

— Возможно, она пока не решила, — сказала я.

Когда к нашему столу подошёл Никс, Лили рассказала о своей фотографии. Я показала свою. Он не взял её в руки, только чуть наклонился, чтобы прочитать подпись под снимком.

— Почему вам важно именно это место? — спросил он.

— Мне нравится, как они работают с городом. Мастерская не закрыта от него: они проводят занятия, сотрудничают с местными художниками, выставляют работы в общественных пространствах.

— А ваше присутствие в городе начнётся с мастерской?

— Надеюсь, хотя бы с аренды, которую я смогу оплатить.

Лили фыркнула. Никс посмотрел на меня спокойно, но я заметила, как чуть дрогнул уголок его рта.

— Практический вопрос. Но я имел в виду другое. Вам интересен дом как помещение или как отношения между людьми?

Я опустила взгляд на фотографию.

— Наверное, и то и другое. Просто помещение легче нарисовать.

— Тогда попробуйте начать с него и посмотреть, кто появится внутри.

Он отошёл к соседнему столу, а я записала его слова. Не как готовый ответ — скорее как задачу, которую стоило оставить себе на потом.

После семинара Лили предложила пойти вместе в библиотеку, но я отказалась: мне нужно было забрать чай, а потом закончить лису для заказчицы.

— Ты всегда так подробно планируешь день? — спросила она, пока мы собирали вещи.

— Только если хочу успеть всё необходимое.

— А если не успеваешь?

— Делаю вид, что не собиралась.

— Тогда в библиотеку ты точно не собиралась. До встречи, Эми.

— До встречи.

* * *

В магазине мне торжественно вернули пакет с чаем. Я поблагодарила сотрудницу и на этот раз проверила, всё ли забрала. Затем по дороге домой зашла к музыкальному корпусу: между ним и библиотекой расстилалась лужайка, которую я заметила ещё вчера.

Солнце грело достаточно, чтобы можно было посидеть на траве. Я выбрала большое дерево с широким стволом, прислонилась к нему спиной и достала альбом. Чай в пакете шуршал рядом, напоминая, что сегодня я уже добилась одной важной цели.

Наушники помогали мне сосредоточиться, хотя музыка редко оставалась музыкой. Через несколько минут я переставала различать отдельные мелодии и слышала только ровный фон, на котором удобнее было думать.

Я рисовала людей, когда не знала, как заговорить с новым местом. Сначала отмечала походку: кто волочит ноги, кто несётся, закинув сумку за спину, а кто идёт медленно, будто опаздывают все остальные.

На дорожке женщина в длинном пальто несла цветы. Позади неё студент пытался одновременно читать и есть булочку. У входа в библиотеку двое спорили о чём-то настолько увлечённо, что один всё время забывал открыть дверь, за ручку которой держался.

Я набросала несколько быстрых линий, потом перевернула страницу и принялась за фасад музыкального корпуса. На бумаге неожиданно появился человек с большим футляром в руке и слишком торопливой походкой. Я узнала в нём преподавателя, которого видела на собрании: тот же усталый наклон головы, те же очки, съехавшие к кончику носа.

За соседним столиком раздался смех. Я ненадолго подняла глаза и увидела парня, знакомого по вчерашнему дню. Вокруг него расположилась компания; кто-то сидел на пледе, кто-то прямо на траве. Парень что-то рассказывал, жестикулируя стаканчиком с кофе, а девушка рядом пыталась заглянуть ему в телефон.

Я вернулась к рисунку. Чужие разговоры казались гораздо интереснее, если не приходилось в них участвовать.

Когда на страницу упала чья-то тень, я решила, что это облако. Потом облако помахало рукой.

Я вынула один наушник.

— Ты давно со мной разговариваешь?

— Достаточно, чтобы усомниться в своём обаянии.

Передо мной стоял парень в тёмной футболке и спортивной куртке. Вблизи он оказался выше, чем я думала, с аккуратной причёской и выражением человека, которого слегка удивили обстоятельства, но который пока не решил, хорошо это или плохо.

В нескольких шагах от него компания продолжала разговаривать. Две девушки с откровенным интересом наблюдали за нами.

— Сочувствую, — сказала я. — Пересмотр убеждений иногда полезен.

Он рассмеялся и протянул руку.

— Питер. Музыкальный факультет.

— Эми. С одной «м».

— Это принципиально?

— Для моего имени — да.

Я пожала ему руку и снова взялась за карандаш, ожидая, что разговор на этом закончится. Но Питер присел на корточки, оставив между нами достаточно места.

— Я видел твой рисунок издалека. Можно посмотреть?

Обычно я не любила показывать незаконченные наброски. Они казались мне разговором, который ещё не успели договорить. Но Питер спросил, а не потянулся к альбому, и я повернула его так, чтобы он увидел страницу.

Он разглядывал рисунок дольше, чем требовала вежливость.

— Это наш преподаватель композиции. Ты даже его недовольство поймала.

— Я старалась передать сумку. Недовольство приложилось.

— Мы сегодня принесли ему первые наброски. Думаю, на твоём рисунке он как раз несёт их переделывать.

— Все?

— Почти. Мой он назвал «интересной попыткой избежать основной темы».

— Звучит обнадёживающе. Попытку он всё-таки заметил.

— Я тоже решил сосредоточиться на этом.

Питер посмотрел на мои карандаши, аккуратно разложенные на траве.

— Ты здесь учишься или просто пришла рисовать наших преподавателей в минуты слабости?

— Магистратура. Художественное направление. А преподавателей я пока не искала специально.

— Значит, случайно вышел именно он?

— Мне нравится, как он несёт футляр. Будто инструмент внутри очень хочет сбежать.

— Иногда я тоже так думаю.

Его окликнули с пледа. Девушка с длинными светлыми волосами подняла вверх телефон и что-то показала ему издалека. Питер оглянулся, поднялся и сунул руки в карманы.

— До встречи, Эми с одной «м».

— До встречи, Питер с сомнениями в обаянии.

Он ушёл, обернувшись всего один раз. Я снова надела наушник и вернулась к рисунку. Через минуту заметила, что рисую не преподавателя, а улыбку человека, который только что стоял передо мной.

Пришлось перевернуть страницу. В конце концов, у меня были и другие проекты.

* * *

Дома я дописала звёзды над лесом и отправила иллюстрацию заказчице. Затем заварила наконец тот самый чай, который пережил ночь на кассе, и уселась за рабочий стол.

Семинар оставил после себя больше вопросов, чем ответов. Я прикрепила фотографию мастерской обратно к стене и положила рядом с ней чистый лист. В центре нарисовала комнату: длинный стол, высокие окна, полки с бумагой. На полу стояли банки с кистями и коробка, в которой неизбежно потерялись бы нужные карандаши.

Я остановилась, вспомнив слова Никса.

«Посмотреть, кто появится внутри».

Сначала появилась девочка, склонившаяся над альбомом. Потом женщина в фартуке, которая показывала ей, как держать кисть. У окна я нарисовала человека с чашкой. У двери — ещё одного, только вошедшего, с курткой под мышкой.

Комната сразу изменилась. Без людей она была местом, которое я хотела построить. С ними стала местом, где уже что-то происходило — хотя я ещё не знала, что именно.

Телефон загорелся: заказчица прислала ответ. Лиса ей понравилась, звёзды тоже. Она обещала оплатить работу до конца недели и спросила, смогу ли я взять ещё одну иллюстрацию в следующем месяце.

Я ответила, что смогу, и добавила срок в календарь. После этого написала маме, что нашла чай и не умерла от голода. Она прислала фотографию кота, спящего в моей старой комнате, и сообщение: «Он пока не спрашивал, когда ты вернёшься. Но я думаю, он скучает».

Я рассмеялась и попросила передать коту, что не рассчитывала на более откровенное признание.

Вечером я вышла пройтись. Кампус уже становился тише: окна аудиторий светились через одно, а у музыкального корпуса слышался приглушённый звук пианино. Я остановилась у ограды, пытаясь понять, откуда именно доносится мелодия, но из-за деревьев было видно только несколько освещённых окон.

Она повторилась дважды. На третий раз музыкант сбился, замолчал и начал сначала.

Мне понравилось, что он не бросил после ошибки. Я постояла ещё немного, пока с другой стороны дорожки не показались двое студентов с горячими напитками. Пришлось отойти, чтобы не слушать музыку посреди прохода, как неудачно припаркованный велосипед.

Уже дома я снова раскрыла альбом на случайном рисунке. Улыбка Питера смотрела с бумаги чуть увереннее, чем в жизни; я добавила едва заметную складку у глаза и закрыла страницу.

Он был симпатичным. Это я вполне могла признать, не составляя планов на ближайшие десять лет. Красивые люди существовали, как существовали красивые здания, удачные мелодии и пирожные за стеклом. Не обязательно забирать всё понравившееся домой.

Я выключила свет и устроилась под одеялом. За окном кто-то прошёл, разговаривая по телефону, потом стихли шаги. Несколько минут я думала о завтрашнем занятии, пока воображение не решило показать мне ещё раз лужайку, дерево и Питера, присевшего рядом.

На этот раз в моей голове он не уходил по зову друзей. Смотрел внимательнее, наклонялся ближе, и я замечала тепло его руки рядом со своей. Я уже почти представила, как он касается моих пальцев, когда открыла глаза и уставилась в потолок.

— Потрясающе, Эми, — прошептала я. — Вы поговорили две минуты.

Воображение не сочло это веской причиной останавливаться. Я перевернулась на бок, подтянула одеяло и попыталась думать о завтрашней работе.

Это помогло примерно на полминуты. Потом я всё-таки улыбнулась в темноте и позволила себе не решать сегодня, что со всем этим делать.

* * *

Глава 3. Чужие шутки

За первую неделю я узнала три важные вещи о кампусе.

Во-первых, если возле библиотеки стоит очередь, это не обязательно очередь в библиотеку. Скорее всего, рядом продают свежую выпечку.

Во-вторых, дверь моего дома открывалась лучше, если перед поворотом ключа чуть приподнять ручку. Я почти обиделась, когда выяснила: всё это время она просто ждала, пока я прочитаю инструкцию до конца.

В-третьих, Питера знали практически все.

О нём говорили в столовой, его окликали на дорожках, а на еженедельном собрании к нему подошли сразу несколько человек, едва ведущая объявила перерыв. Я сидела рядом с Лили и пыталась записать даты выставок, пока люди между рядами обменивались новостями.

— На следующей неделе будет набор волонтёров для музыкального вечера, — сказала Лили. — Ты собираешься?

— В качестве кого?

— Например, человека, который рисует афиши.

— Это звучит подозрительно похоже на работу.

— Ну да. Твою любимую.

Я поставила рядом с объявлением звёздочку. Лили была права: дополнительные проекты для портфолио мне не помешали бы. И деньги тоже, хотя в объявлении об оплате пока ничего не говорилось.

С другой стороны зала раздался смех. Я подняла голову. Питер стоял в проходе, разговаривая с двумя девушками. Одну я узнала: светлые волосы, яркая заколка и тот самый телефон, который она показывала ему на лужайке. Вторая была ниже ростом, в голубом свитере, с идеальной прямой чёлкой.

— Ты же обещал подумать, — сказала светловолосая.

— Я подумал, — ответил Питер. — В пятницу у меня репетиция.

— Репетицию можно перенести.

— Не хочу переносить. Мы договаривались на это время ещё до начала семестра.

Он говорил спокойно, без раздражения, но девушка поджала губы. Её подруга заметила, что я смотрю, и что-то шепнула ей на ухо. Обе повернулись в мою сторону.

Я опустила глаза к расписанию. Возможно, они обсуждали вовсе не меня. Возможно, стоило перестать следить за чужими разговорами на расстоянии трёх рядов.

— Ты уже знакома с ним? — спросила Лили.

— С Питером? Несколько дней назад разговаривали. Он увидел, как я рисую.

— Ты и ему показала спящего мужчину с собрания?

— Нет, на этот раз пострадал преподаватель композиции.

— Надеюсь, ты не продавала портрет без согласия модели.

— Пока нет. Сначала выясню рыночную стоимость его недовольства.

Лили рассмеялась и потянулась за ручкой. Перерыв закончился, и ведущая попросила всех вернуться на свои места. Питер сел через ряд впереди. Светловолосая девушка устроилась рядом с ним; её подруга — с другой стороны. Когда собрание завершилось, я уже почти забыла об этом разговоре.

Почти.

* * *

В тот же день я получила ответ на письмо, которое отправила накануне вечером. Мистер Никс написал, что готов обсудить мою идею магистерского проекта после семинара в пятницу.

Сообщение было коротким, без лишних слов, но он приложил список материалов, которые, по его мнению, стоило посмотреть до встречи.

Я открыла первый документ ещё до завтрака. Через двадцать минут чай остыл, тост стал жёстким, а на полях блокнота появилась целая колонка вопросов.

В мастерскую я пришла с альбомом, коробкой карандашей и планом закончить учебный коллаж. На занятии нам предложили изобразить место через предметы, не показывая его целиком. Я выбрала собственную кухню: чашка на краю стола, полоска света из окна, банка с кистями и синяя тень от двери в прихожей.

— У тебя там слишком чисто, — сказала девушка за соседним столом, заглянув в работу. — Так не бывает.

— Это художественный вымысел. На самом деле чашка стоит поверх квитанций, а кисти с утра лежат в раковине.

— Теперь верю.

Её звали Мара. Мы вместе искали нож для бумаги, который всё время оказывался под чьими-то обрезками, и обменялись адресами рабочих чатов. К концу занятия я почувствовала себя здесь чуть увереннее: знала, где лежит клей, кому принадлежит нож и почему окно рядом с моей партой нельзя закрывать слишком резко.

Преподаватель задержал нас ненадолго, обсуждая работы. Потом мастерская стала пустеть. Я осталась, чтобы закончить коллаж: вечером нужно было заняться заказом, и хотелось освободить стол от учебных материалов.

Телефон я поставила заряжаться у дальней стены. Розетка у моего места не работала, а кабель оказался слишком коротким, чтобы держать его рядом. Я решила, что за час ничего важного не случится. Люди жили без постоянной связи веками, и некоторые из них даже успевали создавать искусство.

Через полчаса я обнаружила, что приклеила маленькую бумажную чашку не туда. Пришлось осторожно отделять её от основы, поддевая ногтем край.

— Давай без жертв, — пробормотала я. — У нас и так отношения натянутые.

— Ты Эми?

Я подняла голову. В дверях стояла девушка со светлыми волосами. За ней — её подруга в голубом свитере. Обе улыбались, хотя первая улыбка выглядела скорее вежливой, чем дружелюбной.

— Эми, — ответила я. — С одной «м».

— Я Клара, — сказала светловолосая. — А это Вивьен. Мы видели тебя на собрании.

— Привет.

Вивьен прошла в мастерскую и посмотрела на мои рисунки.

— Это для съёмки? Нам сказали перенести несколько работ в старую аудиторию. Сегодня будут фотографировать помещения для сайта.

Утром действительно приходило общее письмо о съёмке. Я мельком прочитала его между статьёй Никса и тостом: в нём говорилось о фотографиях мастерских и студенческих проектов, но точное место я не запомнила.

— Мои работы тоже нужны? — спросила я.

— Нам передали, что мистер Никс просил взять несколько новых, — ответила Клара. — Он хочет показать, чем занимаются магистранты с первого дня.

— Я не уверена, что это готово для сайта.

— Там и не выставка. Просто рабочие снимки, — сказала Вивьен. — Можем помочь донести.

Она уже взяла один из листов, держа его за самый край. Я на секунду задумалась, не сходить ли за телефоном и не проверить письмо. Но Клара стояла у двери, Вивьен держала мою работу, а я не хотела устраивать допрос из-за обычной просьбы.

— Хорошо. Только этот лист пока не берите, клей не высох.

Я сложила остальные работы в папку. Клара подхватила её с одной стороны, и мы вышли в коридор. Вивьен шла впереди, рассказывая что-то о фотографе, который якобы должен прийти позже. Я отвечала невпопад: мысленно прикидывала, достаточно ли ровно наклеены детали на коллаже и не придётся ли переделывать чашку.

Мы миновали лестницу и свернули в старое крыло. Здесь было прохладнее; на стенах висели фотографии выпускных выставок разных лет. В конце коридора Вивьен остановилась перед дверью с небольшой табличкой.

— Вот здесь. Можно положить на большой стол.

Она нажала на ручку и пропустила меня вперёд.

В аудитории было темно. Я нащупала выключатель, но свет не загорелся. Из высокого окна у дальней стены падала узкая полоса серого дневного света; её хватило, чтобы разглядеть стол, несколько стульев и старый шкаф.

— Здесь кто-нибудь будет? — спросила я, поставив папку.

— Сейчас, — сказала Клара за моей спиной.

Я обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как закрывается дверь. Раздался щелчок замка. Следом — быстрые шаги и приглушённый смех.

Несколько секунд я просто стояла, глядя на дверь. Потом подошла, нажала на ручку и потянула. Она не поддалась.

— Очень смешно, — сказала я.

Дверь не ответила. За ней тоже было тихо.

Я постучала, сначала осторожно, потом сильнее.

— Клара? Вивьен? Вы можете открыть?

Тишина.

Я попробовала ещё раз повернуть ручку, как будто за последние пять секунд механизм мог передумать. Не помогло. В кармане джинсов нашлась только резинка для волос. Телефон остался в мастерской.

— Вот и прожили без связи, — сказала я пустой аудитории.

Окно выходило во внутренний двор. Я подошла к нему и попыталась повернуть ручку. Рама не сдвинулась. На стекле скопилась пыль; через неё двор выглядел нарочно заброшенным, хотя вдоль стены стояли аккуратные горшки с растениями.

Я постучала по стеклу ладонью. Никого.

Сначала я сердилась достаточно уверенно. Затем взглянула на часы и поняла, что через полчаса у меня созвон с заказчицей. На столе у стены лежала старая тряпка; я обернула ею руку и попробовала снова повернуть тугую оконную ручку. Не помогло.

Я села на край стула и заставила себя медленно вдохнуть. Неприятно — да. Безвыходно — нет: рано или поздно кто-нибудь услышит. Другое дело, что мне совершенно не нравилось сидеть здесь из-за чужого желания пошутить.

Я ещё раз перебрала разговор с Кларой и Вивьен. Могла ли я что-то не так понять? Нет. Смех за дверью был слишком отчётливым. А если бы они случайно закрыли её, вернулись бы после первого стука.

— Если я отсюда выберусь, — сообщила я пустому кабинету, — заведу привычку брать телефон даже за хлебом.

Минут через десять снаружи раздались шаги.

— Здесь кто-то есть? — спросил знакомый голос.

— Есть. Если это проверка на стрессоустойчивость, я бы предпочла письменный тест.

Я снова навалилась на дверь плечом, собираясь постучать ещё раз. В тот же миг снаружи повернулся ключ, дверь неожиданно подалась, и я, потеряв равновесие, вывалилась прямо в коридор.

Мистер Никс едва успел отступить. Он подхватил меня за плечи, удерживая на ногах. Одной рукой я вцепилась в его пиджак, другой — в его предплечье.

— Осторожнее, — сказал он.

— Планировала более изящный выход, но обстоятельства вмешались.

Я подняла голову. Он смотрел на меня с удивлением и явным беспокойством; ключи всё ещё были зажаты в его руке. Убедившись, что я стою устойчиво, он осторожно отпустил меня, а я поспешно разгладила помятый лацкан его пиджака.

— Простите. И спасибо.

— Вы не ушиблись?

— Кажется, только моё представление о собственном здравомыслии.

Он посмотрел через моё плечо в аудиторию.

— Дверь обычно держат запертой. Что произошло?

Я рассказала про девушек, письмо о съёмке и папку с работами. Пока я говорила, он не перебивал, только один раз уточнил, сколько времени я провела внутри.

— Минут пятнадцать, может быть, чуть меньше. Я не засекала сразу.

— Фотограф будет снимать мастерские на следующей неделе. В этой аудитории съёмка не запланирована.

— Подозреваю, Клара и Вивьен об этом знали.

Он нахмурился и заглянул в комнату.

— Ваши работы целы?

Мы вместе проверили папку. Листы лежали на столе там, где я их оставила. Никс придержал дверь, пока я собирала рисунки; затем взял папку за свободный край, помогая не задеть раму.

— Я сообщу администрации, — сказал он, когда мы вышли в коридор. — Если вы не против, вас могут попросить описать девушек и рассказать, что случилось.

— Не против. Мне бы не хотелось, чтобы они решили повторить номер с кем-то ещё.

— Хорошо. А телефон у вас в мастерской?

— На зарядке. Через двадцать минут у меня созвон, и я очень надеюсь, что к тому времени мне снова разрешат пользоваться благами цивилизации.

— Тогда пойдёмте быстрее.

Он не задавал вопросов, пока мы шли. И не пытался убедить меня, что ничего страшного не произошло. За это я была благодарна больше, чем ожидала.

В мастерской никого не оказалось. Телефон мирно заряжался у стены, не подозревая, сколько у меня к нему претензий. Я проверила время и выдохнула: до созвона ещё оставалось несколько минут.

— Спасибо, мистер Никс. Дальше я справлюсь.

— Если понадобится сообщить мне подробности, напишите. И проверьте, нет ли повреждений на работах при хорошем свете.

— Проверю.

Он кивнул и вышел. Я разложила рисунки на столе. На одном краю бумаги появилась небольшая складка, которую можно было разгладить. Всё остальное осталось целым.

С заказчицей мы поговорили вовремя. Она спросила, как проходит учёба, и я ответила, что уже успела изучить особенности университетской архитектуры. Вдаваться в подробности не хотелось.

После разговора я открыла общий студенческий чат, куда Мара добавила меня утром. Там мелькнула фотография закрытой двери старой аудитории и подпись: «Новая звезда нашла свою аудиторию».

Снимок исчез через несколько минут, но я успела сделать копию экрана. Под фотографией кто-то поставил смеющийся значок, другой человек спросил, что происходит. Я не стала отвечать в чате. Переслала снимок Никсу и добавила: «Это дверь, за которой меня закрыли».

Он ответил вскоре: «Получил. Передам вместе с сообщением администрации».

Я убрала телефон в карман, собрала вещи и заперла мастерскую. На этот раз трижды проверила, что ключи и телефон находятся при мне. Здравый смысл возвращался, хотя и предпочёл выбрать для прогулки не самое удобное время.

* * *

На лестнице меня догнала Мара.

— Эми, подожди. Я увидела фотографию в чате. Это правда было про тебя?

— Да. Меня закрыли в аудитории. Уже выпустили, как видишь.

— Я написала, что это не смешно, но фотографию почти сразу удалили. Ты знаешь, кто это сделал?

— Клара и Вивьен. По крайней мере, они отвели меня туда.

Мара сморщилась.

— Я их видела у музыкального корпуса. Они часто с компанией Питера. Может, это из-за того, что вы разговаривали?

Я остановилась на ступеньке.

— Мы разговаривали минут пять. И в основном о преподавателе с футляром.

— Я не говорю, что причина разумная.

— Хорошо. Потому что мне было бы трудно выбрать, за что именно здесь положено ревновать: за футляр или за недовольство преподавателя.

Мара улыбнулась, но тут же стала серьёзной.

— Если понадобится, я напишу, что видела фотографию. У меня тоже сохранилось уведомление.

— Спасибо. Я уже отправила снимок администрации через мистера Никса.

Мы вышли из корпуса вместе. У дорожки Мара повернула к остановке, а я пошла в сторону дома. Мне не хотелось весь вечер обсуждать произошедшее, но после её предложения стало легче. Не потому, что я не могла справиться сама. Просто приятно знать, что рядом есть человек, который готов подтвердить очевидное, когда кто-то другой называет его шуткой.

У музыкального корпуса стояла знакомая компания. Я заметила Клару первой. Она говорила с Питером; Вивьен листала телефон рядом. Я не собиралась останавливаться, но Клара увидела меня и резко замолчала.

Питер проследил за её взглядом.

— Эми! Подожди.

Я остановилась. Он подошёл, оставив девушек у входа.

— Я только что увидел фотографию. Это правда они тебя закрыли?

— Они привели меня туда и заперли дверь. Так что, если в этом корпусе не завёлся очень организованный сквозняк, да.

Он оглянулся на Клару. Та сказала что-то Вивьен, и обе отвели глаза.

— Они сказали, что просто хотели пошутить.

— Тогда им нужно сообщить, что шутка закончилась неудачно.

— Я уже сказал.

Я посмотрела на него. Он выглядел не растерянным, как на лужайке, а напряжённым; пальцы сжимали лямку сумки на плече.

— Спасибо. Дальше администрация разберётся.

— Никс тебя выпустил?

— Да.

— У него был ключ?

— Похоже, профессор университета имеет доступ к университетским помещениям. Мир полон неожиданностей.

В обычный день Питер, наверное, ответил бы какой-нибудь шуткой. Сейчас он только выдохнул и снова посмотрел в сторону девушек.

— Я поговорю с ними ещё раз.

— Питер. Я не прошу тебя устраивать собрание комитета по моей защите.

— А я не собираюсь устраивать собрание. Просто хочу понять, что они сделали и зачем.

Он произнёс это резко, а потом будто сам услышал собственный тон.

— Извини. Я злюсь не на тебя.

— Я поняла. Но всё равно спасибо, что уточнил.

На мгновение он прикрыл глаза. Затем кивнул, словно давая себе время успокоиться.

— Тебе нужна помощь с работами? — спросил он уже тише.

— Нет. Все целы. И я тоже.

— Хорошо. Если всё-таки понадобится — напиши.

— У тебя нет моего номера.

Он посмотрел на меня, потом невольно улыбнулся.

— Значит, это не самый убедительный план помощи.

— Пока нет.

Я попрощалась и пошла дальше. Оглянувшись у поворота, увидела, что Питер вернулся к Кларе и Вивьен. Он говорил с ними, но слов я не слышала. Девушки уже не улыбались.

Дома я поставила чайник и только тогда заметила, что зажимаю в руке ремень папки так сильно, что на ладони осталась красная полоска. Я разжала пальцы, положила папку на стол и открыла окно.

Вечером пришло сообщение от незнакомого номера.

«Это Питер. Контакт мне дала Мара, сказала, что сначала спросила тебя».

Вслед за ним появилось второе:

«Мне жаль, что так вышло. Если нужна помощь, скажи».

Я вспомнила, что Мара действительно спросила, можно ли передать мой номер, когда мы прощались. Тогда я согласилась, не придав этому большого значения.

Некоторое время я смотрела на экран. Потом ответила:

«Спасибо. Я справляюсь. Но можешь сказать своим знакомым, что чувство юмора — это не когда смешно только им».

Он ответил почти сразу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.